

Новые смыслы для безумной книги

Ирина Полянская: «Во мне, как и в каждом пишущем, живет надежда – свести в одном предложении все начала и концы»

Независимая - 2004 - 10 июля - с. 1 - 2. (Примеч. ИГ Exhibits № 21: 2004)

«Ирина Полянская – сильный, бесстрашный и верный себе писатель, давно и прочно завоевавший признательность читательского сообщества. Ее умную и безжалостную прозу можно не любить – нельзя отрицать мужество и мастерство автора», – пишет Андрей Немзер. За рассказ «Утюжок и мороженое» писательница была удостоена премии имени Юрия Казакова, учрежденной журналом «Новый мир» и Благотворительным фондом Национального резервного банка.

– Ирина, вот вы получили премию за лучший русский рассказ 2003 года. Как известно, вы пишете и романы. Какой жанр, на ваш взгляд, более адекватен сегодняшнему времени?

– Сегодня, как и всегда, все жанры хороши и адекватны. Несколько изменились требования, предъявляемые к скорости изложения – рассказ требует большей экономии средств, вы-

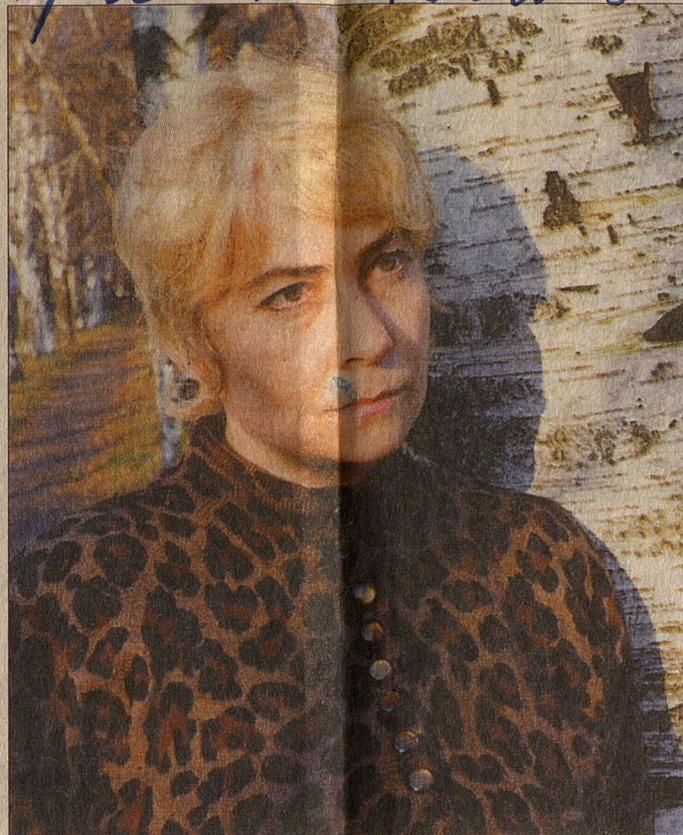
сокого темпоритма. Но это не отменяет возможности появления больших, сложно инструментированных, тяготеющих к полифонии произведений, стремящихся к более полному охвату времен и событий, рассчитанных на медленное и вдумчивое чтение. Читатель ищет книги «про себя и свое время».

В детстве я очень любила роман Каверина «Два капитана»

– В вашем романе «Горизонт событий», опубликованном в «Новом мире», заметную роль играет книга Каверина «Два капитана». Капитану Татарину в ней противостоит демагог и вредитель Николай Антонович, строящий козни своему брату и сопернику. И первая часть романа заканчивается ироническими ин-

вективами героя по адресу «Двух капитанов»: «Вредительство в романе – это еще и просверленные Николаем Антоновичем дырки в фортыуме корабля своего соперника, под второй палубой, значительно ниже ватерлинии... Вот это вредительство так вредительство! Право,

одного Николая Антоновича на такое не хватило бы, здесь действовала группа диверсантов... Спустя месяц после выхода журнала группа диверсантов напала на ДК на Дубровке... «Норд-Ост» потерпел крушение и пошел ко дну, повторив судьбу «Святой Анны», получившей пробою «под второй палубой, значи-

Ирина Полянская – сильный, бесстрашный писатель.

Фото Владимира Кравченко

тельно ниже ватерлинии». Так ваш роман путем оговорки, зацепившей дымящийся кусок живой реальности, буквально предвосхитил события рокового октября...

– Погибли столько людей, среди них дети, и какое отношение к этой трагедии могли иметь мои писания?... Да, так совпало, что в процессе работы над своей вещью я вышла на роман Каверина, который в детстве очень любила, уже потом – перечитала и пришла к нелестным выводам. Стала видна надуманность, ходульность сюжетных линий и тем паче – политическая ангажированность. Передав своему герою любовь к этой знаковой книге, я прошла вместе с ним путь к полному разочарованию в ней. Это было всего лишь малой проекцией более общей моей темы, которую я бы сформулировала как роман человека с историей и книгой как частью ее. Каверин взял за основу реальную историю гибели экспедиции лейтенанта российского флота Брусилова и перелицевал

ОКОНЧАНИЕ НА СТР. 2

Новые смыслы для безумной книги

независимая воля - 10 июня с 7-2 - 17 июля: 121

ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА СТР. 1
ее на свой манер, снабдив вульгарно-сентиментальными ходами и репрезентативными установками в духе требований своего времени. На самом-то деле название этого романа – «Два капитана» – должно означать не Татаринов + Саня Григорьев, а Татаринов – Брусилов. Я сравниваю этих двух капитанов и эти две экспедиции – историю с успешной советской беллетристикой не самого худшего толка, и это сопоставление оказывается очень поучительным и наглядным.

– Но эта линия в журнальный вариант романа, кажется, не вошла...

– Да, мне пришлось многое в нем сократить. И роман, вышедший в издательстве «Олимп-АСТ» отдельным изданием, превышает журнал на целых 8 листов, так что для меня это два разных произведения... Я росла в профессорской семье, поэтому в детстве меня так занимал этот образ – профессора Николая Антоновича. Мне был близок уклад этого дома, академический апломб и несомненная интеллигентность его главы, вот почему мне долго не давала покоя предлагаемая автором версия вредительства этого человека, отправившего брата на верную гибель таким варварским способом: поставленный негодный провиант (гнилое мясо), пробитое днище корабля, в котором этот профессор кислых щей, интел недорезанный, в одиночку продельывает глубокие пропилы, то есть совершает большую и сложную плотницкую работу, требующую не только большой силы, но и высокой квалификации...

– И все-таки: что вы почувствовали, когда обнаружили, что выступили в роли невольной прорицательницы?

– Я не знаю, чем объяснить это случайное совпадение, о котором вы говорите. Да, «поэта далеко заводит речь». Да, в про-

дишь на те или иные вербальные смыслы, обладающие своей логикой саморазвития. К тому же во мне, как и в каждом пишущем, живет такая надежда – свести в одном предложении все начала и концы, уместить все исторические эпохи, события, искусства... То есть вполне безумная козьмапруктовская идея объять необъятное, смикшировать все со всем для извлечения новых смыслов, написать вполне безумную книгу. Каковую, я считаю, должен стремиться написать каждый писатель, чтобы передать inferнальность нашей жизни, ее

– Вот вам еще одно «странное сближение» (я упоминаю о нем в романе): Чехов в письме как-то обронил фразу: «Денег – кот наплакал... Не знаю, как у Золя и Шедрина, а у меня угарно и холодно...» Насмешливое перо классика тоже зацепило косвенное пророчество: именно Золя вскоре и умер от угара... И эти примеры можно множить и множить.

Мне нравится недавно выдвинутая физиками «волоконная теория», сравнивающая окружающее мироустройство с плетеной циновкой, объясняющая повторяемость тех или

ходят за рубежом ровно таким же тиражом, что и на родине? Значит ли это, что число читателей, готовых к восприятию сложных литературных текстов, величина постоянная и для любой страны колеблется в пределах 2–5–10 тысяч? У живой русской литературы недругов сегодня больше, нежели благожелателей. Возможно, это связано с переживаемой исторической ситуацией – история проигранной партии вызывает раздражение. И таких людей много – не умеющих, не любящих и не приученных читать русские книги. Пропускать сквозь себя эту «хроническую степь и перловую кашу человеческого существования», принимая сердцем как свое. Хочется праздника. Шика-блеска. Стиля и формы. Но когда стиль и формы так мало вокруг, особенно в нынешнем бытовании, то что делать?.. По совести и не знаю.

– А почему вы не поехали на Франкфуртскую ярмарку?

– Меня неприятно удивил рекламный парад планет по телевизору: тут и тети Аси – детективистки, тут и фекалист Сорокин, без которого сегодня – никуда... И все это по телеканалу «Культура» под маркой «современные российские писатели». Я представила себя в одной компании с этой публикой, и мне сразу захотелось куда-то ехать. Кстати, свою первую литературную премию, которая тоже присуждалась за лучший рассказ года, я получила в Лейпциге в далеком уже 95-м году. Вручили мне ее во время Лейпцигской книжной ярмарки немецкое культурное общество «Лига Артист». Главное происходит не на ярмарке, а после нее, когда издатели всего мира живут инерцией события и перелопачивают горы рукописей на языке страны, выступившей в роли фаворита. Так что главным продуктом должны стать переведенные на другие языки книги русских авторов. ■

У живой русской литературы недругов сегодня больше, нежели благожелателей

загадочность, таинственность по большому счету. Ведь литература – это такая хитрая вещь, когда в книжке часто оказывается совсем не то, что задумывалось автором. Этим вопросом я тоже задаюсь в своем романе: что же бывает написано в книге? Почему такая слабая, лукавая, источающая тайные яды книжка сервильного советского писателя смогла долго питать наши детские души?.. Наверное потому, что детство – благословенная пора, когда человеческая душа абсолютно защищена от пошлости и способна переваривать даже малосъедобное, извлекая для своего роста витамины из всего.

– В случайности всегда есть какая-то доля неслучайного. И «странные сближения» сегодня уже не кажутся такими странными, а свидетельствуют лишь об иных смыслах и мирах и ограниченности на-

иных событий и «сближений» ритмичным выглядыванием из ковра времени того или иного «волоконца»... Я люблю вязать крючком, и мне показался близким этот замысел Творца, балующегося на досуге подбором нитей и придумыванием узоров для изнаночной и лицевой стороны. Мне очень интересен Сокуров, вообще весь его медитативно-сновидческий видеоряд, инвариативность его мышления, прошивающего одной золотой нитью прошлое и настоящее, а значит, и будущее... Примерно то же я пытаюсь делать в своих последних работах. Говоря о настоящем, так или иначе выходишь на историю, задающую вектор нашего развития.

– Вы как-то сказали, что книги сейчас мало покупают. Но я вижу, что полки ломятся от литературы на все вкусы...

– Не знаю. Меня в последнее время занимает вопрос почему

Беседовала

Роберт Бибис